

- мантика времени и вида; Семантика нарратива). – М., 1996.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
 4. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 267 – 279.
 5. Павлова Н.С. Лексика с семей 'запах' в языке, речи, тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.
 6. Житков А.В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1999.
 7. Сидорев В.С. «Пишу русским языком...» // Русская речь. – 1980. – № 5. – С. 17 – 19.
 8. Краснянский В. В. Словарь эпитетов Ивана Бунина. – Елец, 2006. – Часть 1– 2.
 9. Николина Н.А. Мир запахов в художественной прозе А.П. Чехова // Русский язык в школе. – 2004. – № 3. – С. 68 – 74.
 10. Моносова А.Ж., Хомская Е.Д. Изучение эмоциональной сферы методом оценки запахов // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 100 – 106.
 11. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. – Воронеж, 2007.
 12. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М., 1935. – Т. 1: А – Кюринцы.
 13. Словарь русского языка: в 4-х т. – М., 1981. – Том I. А – И.
 14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. проф. Н.Ю. Шведовой. – М., 1984.
 15. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79 – 96.
 16. Киню Миягава. Диалектика в миниатюре И.А. Бунина «Ночь» // Метафизика И.А. Бунина: межвузовский сборник научных трудов, посвященных творчеству И.А. Бунина. – Воронеж, 2008. – С. 21 – 36.

Источники:

1. Бунин И.А. Собрание сочинений [Электронный ресурс] // Библиотека русской классики: В. Иванов, И. Бунин, А. Блок, И. Бабель: том 2. – М.: ДиректМедиаПабблишинг, 2005. – Выпуск 1 (CD ROM).

O. Meshcheryakova

THE COGNITIVE SIGN WITHIN BUNIN'S LINGUISTIC PERSONALITY

Abstract: The article explores cognitive sign of the concept “запах” (“smell”) while its objectivization through the lexeme “душистый” (“fragrant”) in the Bunin’s literary text. The multidimensional content of this cognitive sign relates to the fictional space and time categories, composition of characters in the text and is subject to the author’s philosophical views on life.

Key words: perceptive lexis, concept, cognitive classifying signs, cognitive differential signs, linguistic personality.

УДК 800/801

Никитин О.В.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОЛОГИЯ?*

Аннотация. В статье дается ретроспективное представление о формировании и границах термина «филология» с позиции русской академической школы рубежа XIX–XX вв. Осуществлена републикация забытой статьи Ф.Ф. Зелинского «Филология».

Ключевые слова: филология, история, гуманитарное знание, античная культура, индивидуальное творчество, герменевтика, классификация историко-филологических наук.

В современной вузовской и научной практике мы часто сталкиваемся с проблемой понимания и интерпретации термина. Она может быть решена в узком смысле — с

помощью краткой пояснительной заметки, но гораздо важнее установить не только узко-терминологический смысл понятия и сферу его применения, а проникнуть в историко-культурную панораму, в которой он используется. При этом разные эпохи представляли содержательную и внешнюю сторону одного и того же понятия неодинаково.

Наиболее подробную и достоверную характеристику термин «филология» получил в русской дореволюционной школе, стремившейся к синтезу философских, эстетических, литературных и лингвистических приемов при освещении научно-общественного явления, каким была филология в то время.

Это нашло отражение на страницах «Энциклопедического словаря» (издатели

* © Никитин О.В.

Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон), выходящего с 1890 по 1907 гг. Необходимо отметить, что впервые в истории России был создан тезаурус (от греч. *thçsaurós* — «сокровище», «сокровищница»), отражавший культурные срезы мировой цивилизации с древнейших времен до начала XX столетия в максимальном полном, как это представлялось возможным тогда, объеме. Филологическая часть этого словаря готовилась ведущими специалистами в разных отраслях данной науки: с ним сотрудничали А.С. Архангельский, Д.И. Багалей, И.А. Бодуэн де Куртенэ, С.К. Булич, А.Г. Горнфельд, Ф.Ф. Зелинский, А.И. Кирпичников, А.Е. Крымский, Д.Н. Кудрявский, Н.И. Стороженко, Ф.И. Успенский и др., а также действительные члены Императорской АН — академики К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Н. Веселовский, В.И. Ламанский, В.Ф. Миллер, А.Н. Пыпин, А.А. Шахматов. Их подвижнической работой впервые в отечественной традиции был сформирован и обработан понятийный аппарат явлений и терминов, охватывающих словесность в целом — и в сравнительно-историческом масштабе, и в современной для того периода плоскости. Получили критическую, но объективную оценку многие историко-культурные и литературные события, в том числе даны характеристики деятельности писателей и поэтов XIX века и мн. др.

Особый интерес представляет статья «Филология», опубликованная в т. XXXV^a (70) «Энциклопедического словаря», автором которой был филолог-классик, переводчик, знаток античной и европейской литературы и культуры Фаддей Францевич Зелинский. Его статью в приложении мы и предлагаем читателям [1].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Филология. — При делении наук на тематические, естественные и «науки о духе» — делении, пользующемся наибольшим авторитетом в настоящее время, — ясно, что Ф. должна принадлежать к последней из этих трех категорий. Науки, посвященные изучению человеческого духа, могут изучать его либо в самом себе, либо в его творениях. Первую группу составляют специально философские науки (психология, логика, теория познания); вторая распадается на две подгруппы, смотря по тому, изучаются ли творения человеческого духа в смысле, так сказать, поперечного или в смысле продольного разреза, т. е. в своей одновременности или в своей после-

довательности. К подгруппе поперечного разреза принадлежит множество наук, называемых «теориями» или «системами», — теория языка, теория искусства, система действующего в данное время права, догматика данной религии и т. д. Подгруппу продольного разреза составляют две науки — история и Ф. Точно определить понятие историко-филологической науки можно, следовательно, так: «наука, имеющая своим содержанием изучение творений человеческого духа в их последовательности, т. е. в их развитии». Затруднительнее разграничить области обеих наук, входящих в состав общей историко-филологической науки, т. е. истории и Ф. Для установления правильной точки зрения на этот вопрос надлежит прежде всего помнить, что *материальное* разграничение обеих областей невозможно. Эта невозможность доказывается как неудачей всех произведенных в этом направлении попыток, так и историческим ходом развития обоих понятий — «Ф.» и «история», — в силу которого они при нынешних, рациональных требованиях в той и другой науке по необходимости должны были материально совпасть. — Слово «история» этимологически обозначает «ведение», причем в силу родства понятий «ведать» и «видеть» содержанием этого «ведения» предполагается то, что человек «видел», чему он был «свидетелем» — одним словом, всякого рода внешнее знание. Путешествия были поэтому необходимым подспорьем для «историка» в первоначальном смысле; он излагал то, что узнавал из устных источников о народах, их странах, обычаях, флоре, фауне, а также и об их судьбах в прошлом, поскольку о них существовала устная традиция. Так понимал слово «история» первый историк цивилизованного мира, Геродот; следы этого понимания и поныне сохранились в слове «естественная история». Повествование о судьбах народов заняло преобладающее положение в «истории» и мало-помалу стало единственным содержанием термина. В этом значении он перешел от греков к римлянам, причем, однако, необходимость личного наблюдения продолжала считаться характерным признаком истории: вот почему только история недавнего прошлого называется у римлян *historia* (кто по письменной традиции восстанавливает историю давно прошедших времен, тот пишет не *historia*, а *annales*). Со временем это различие потерялось: словом *historia* стали обозначать всякое подробное историческое сочинение в противоположность кратким конспектам (*chronica*). В этом

значении слово перешло к новейшим народам; оно не изменялось заметно вплоть до XIX стол., когда рамки истории были сильно раздвинуты: кроме так назыв. политической истории, она приняла в себя и историю культуры. А так как в область культуры входит все то, что создано человеческим духом, то ясно, что история в современном смысле занимает всю площадь, отведенную выше для общей историко-филологической науки и при материальном понимании терминов рядом с ней для Ф. не осталось бы места. — К тому же результату, однако, мы приходим и для Ф. при обзоре развития этого термина. Первоначально под λόγος в литературном значении слова разумелось всякое сочинение, бывшее плодом умственной работы автора, между прочим, и историческое, если только автор составлял его по писанным источникам на основании собственной комбинации; так, «историку» Геродоту противопоставляются «логографы», которые, однако, по-нашему тоже были историками. Кто занимался подобными λόγοι, тот называл себя φιλόλογος (подобно тому, как занимавшиеся мудростью, σοφία, называли себя философами); обозначение это присваивалось и таким ученым древности, которые ничего общего с филологами наших дней не имели. Вообще в древности «филолог» в противоположность «историку» должен был обладать двумя качествами: он должен был быть исследователем (между тем как историк мог быть простым собирателем материалов) и должен был работать на месте, в библиотеке или лаборатории, а не разъезжать по чужим странам. Отсюда значение «кабинетный ученый», которое делается со временем преобладающим; с ним наше слово переходит в новейшую культуру. Так как изучаемы были вначале только книги древних авторов, то значение слова «филолог» сузилось: филологом стал называться тот, кто читал и объяснял древних авторов. Но расширение не замедлило последовать. Филолог считал своим долгом извлекать из древних авторов все то, что можно было из них извлечь; из объяснения древних авторов развилась наука об античной культуре, в состав которой вошла, разумеется, и древняя история. А когда в начале XIX в. наподобие и по образцу классической Ф. были выработаны Ф. германская, романская, славянская и т. д., то стало ясно, что и история в узком значении политической истории могла относиться к этой Ф., только как часть к целому. Когда же и история развилась до нынешней глубины и серьезности и превратилась из политической

в общекультурную, тогда она по необходимости материально совпала с правильно понимаемой Ф. — Тем не менее есть коренное различие между историей и Ф.; но оно заключается не в материале, а в *методе* исследования. Дело в том, что историко-филологическая наука в отличие от всех прочих носит в себе самой причину своей естественной и неупразднимой двойственности. Все другие науки, имея дело с явлениями настоящего, дают своим представителям возможность, более или менее полную, стать лицом к лицу с изучаемыми ими объектами. Одна только история этой возможности совершенно лишена, имея своим объектом прошлое, которое не может быть изучаемо лицом к лицу. Его изучение возможно только благодаря тому, что оно оставило следы; эти следы, в чем бы они ни состояли, мы называем *памятниками*, исторический памятник — это и есть то третье, неустранимое, стоящее между историком и его прямым объектом — прошлым. Он-то и обуславливает распадение историко-филологической науки на историю и Ф. Чем ближе какой-нибудь ученый труд к памятникам, тем более носит он филологический характер; чем более он удаляется от памятников и налегает на общие законы развития, тем более его характер будет историческим. Другими словами, Ф. — это *обращенная к памятникам история* — *обращенная к общим законам развития сторона историко-филологической науки*; история и Ф. — не две различных науки, а два различных аспекта одной и той же области знания. Кто устанавливает какой-нибудь исторический факт — напр., экономический характер революции Гракхов, — на основании свидетельств лучших источников (причем требуется выделить эти лучшие источники из числа всех имеющихся источников, разобраться в текстах и т. д.), тот устанавливает его филологически; кто его устанавливает на основании положения Италии и римского пролетариата в данную эпоху, тот его устанавливает исторически. Отсюда следует, что строгое отделение истории от Ф. на практике невозможно: всякий филолог должен быть в известной части своего научного естества и историком, и наоборот; иначе филологическая деятельность будет бесцельной, а историческая — беспочвенной. В отдельных случаях количественное, так сказать, отношение между историческими и филологическими элементами в уме исследователя бывает различно в зависимости от *большого или меньшего несовпадения исторической и филологической классификации*. Филологи-

ческая классификация производится по памятникам (мы различаем памятники литературные, археологические, этнографические: см. ниже), историческая – по содержанию (мы различаем политическую историю, историю культуры, литературы, искусств, языка и т. д.). Чем более соблюдено требование, чтобы каждая отрасль исторической науки имела своим источником особую и однородную группу памятников, тем более исследователь может расширить историческую часть своего научного естества и сузить филологическую, и наоборот. Наиболее оно соблюдено в новой истории; здесь поэтому (но также и по другим причинам) филолог ступшевывается перед историком. Наименее оно соблюдено в истории классического Востока: тут одни и те же памятники являются источниками и для политической истории, и для истории языка и т. д. – и потому историк Египта ступшевывается перед египтологом, т. е. филологом. Среднее место занимает *классическая древность*, а так как она в то же время и наиболее разработана, и ее принципы и методы были образцами для принципов и методов других областей историко-филологической науки, то мы ею здесь и займемся, отсылая для египетской, романской, славянской и т. д. Ф. к соответственным статьям. – Раз мы убедились, что Ф. представляет из себя обращенную к памятникам сторону историко-филологической науки, то руководящий принцип для систематизации специально классической Ф. дан сам собой: этот принцип содержится в понятиях «памятники» и их «обработка». Мы получаем, таким образом, две серии филологических наук: науки о памятниках и науки об их обработке. Первые имеют дело с самой материей, так сказать, Ф., вторые — с теми силами, посредством которых из этой материи добывается то, что из нее может быть добыто. Итак, мы делим филологические науки прежде всего на два класса: науки *материальные* и науки *динамические*. Начнем с материальных наук. Понимая под памятниками классической древности все, что нам от нее осталось, мы легко убедимся, что они распадутся на четыре обширные группы. Во-первых, одним из главнейших памятников древнего мира является сама земля, бывшая некогда свидетельницей его судеб; первую группу образуют, таким образом, *географические памятники*, причем слово «география» следует понимать в обширном смысле, т. е. включая в это понятие и топографию, и геологию, и метеорологию, и естественную историю. Во-вторых, от древности остались

люди — говоря точнее, потомки тех людей, которые составляли некогда древний мир, нынешние греки и итальянцы; во вторую группу следует выделить поэтому *этнологические памятники*, т. е., главным образом, язык, религию и обычаи современных греков и итальянцев (причем слово «религия» следует понимать не в догматическом или конфессиональном, а в этнологическом смысле), поскольку они в силу естественной преемственности поколений произошли от языка, религии и обычаев древних. В-третьих, остались в более или менее испорченном виде и непосредственные памятники жизни древних греков и римлян: гробницы с их содержанием, следы дорог, следы и остатки городов (стен, зданий общественных и частных, главным образом храмов), статуи, всякого рода утварь, все это – либо без надписей, либо с надписями, наконец, всякого рода записи на камне, металле, глине, папирусе; третью группу памятников составят, таким образом, памятники *археологические* (причем этот термин следует понимать в обширном смысле, т. е. так, чтобы он обнимал также и эпиграфические памятники, т. е. надписи, с папирусами включительно). Наконец, нам осталась, в-четвертых, богатая литература древних греков и римлян, в списках, восходящих в редких случаях до Птолемеевой эпохи, но во всяком случае более поздних (и в этом заключается характерный признак, отделяющий памятники четвертой группы от эпиграфических), чем время первой записи подлинника; итак, четвертую и последнюю – и в то же время важнейшую – группу памятников классической филологии образуют памятники *библиологические*. Из этих четырех групп состоит *инвентарь* нашей науки; первая задача, которую он нам ставит, заключается в том, чтобы обратить его в *свод источников* этой науки. Действительно, в своем нынешнем виде наши памятники источниками служить не могут: западное побережье Малой Азии значительно изменилось за двадцать веков вследствие наносов ее рек, религия греков изменилась вследствие принятия христианства, данный барельеф или данная надпись сохранены в неполном виде, данное литературное произведение пострадало вследствие невежества или произвола переписчиков. Итак, требуется наука, которая научила бы нас парализовать влияние столетий, отделяющих нас от древнего мира; эта наука называется *критикой*. Согласно сказанному выше, это наука *динамическая*; она сама по себе не имеет материального содер-

жания, а получает его, будучи применяема в каждом отдельном случае. Соответственно делению филологического инвентаря мы различаем критику географическую, этнологическую, археологическую и библиологическую (или «филологическую» в узком значении слова). Географическую критику филолог производит в кооперации с географом, так как данные о прежнем состоянии земли черпаются отчасти из известий древних, отчасти же из ее нынешнего состояния. В аналогичном положении находится и этнологическая критика. В обеих только что указанных областях сбор материалов производится географами и этнологами (или фольклористами), филолог же только пользуется результатами их трудов. Напротив, обе последние области находятся всецело в ведении филологов. Археологическая критика, имея дело с оригиналами, видит свою задачу в восстановлении пропавшего, а не в исправлении уцелевшего (исключения сравнительно немногочисленны и не важны). Напротив, критика библиологическая, имея дело с копиями и перекопиями, заботится главным образом об исправлении того, что переписчиками неверно передано (см. Филологическая критика); вместе с тем, будучи обусловлена не стихийными или случайными повреждениями, подобно критике археологической, а человеческим невежеством и произволом, она в широкой мере пользуется психологическими соображениями и является поэтому самой интересной и трудной из всех. В то же время она наиболее разработана и точнее всех систематизирована, но все же ее система пока отзывается некоторой ремесленностью; полной научности библиологическая критика может достигнуть лишь путем еще более тесного сближения с современной психологией, а это — задача будущего. Таким образом, во всех четырех случаях задача критики состоит в том, чтобы, устраняя влияние промежуточных столетий, восстановить данный памятник в том виде, в каком он был в искомую эпоху; ее удачное применение дает нам возможность подняться, так сказать, этажом выше и превратить наш инвентарь в *свод источников* классической древности. Этот второй этаж состоит из тех же элементов, как и низший; и здесь мы встречаем древнюю географию, этнологию, археологию и литературу, но в очищенном от позднейших примесей и искажений и восстановленном виде. Дальнейшая работа, которой подвергаются эти восстановленные памятники, двойного характера, в зависимости

от двойного значения, которое мы им приписываем. Мы хотим от них одного из двух: чтобы данный памятник (гора Ифома в Мессении, или фигура ламии — ведьмы — в народных поверьях, или статуя Венеры Милосской, или комедия Аристофана) или влиял на нас непосредственно, или служил бы нам источником для дальнейшей науки — науки о классической древности. В первом случае мы должны этот памятник *понять*, и притом понять *всесторонне*, так, чтобы в нем не осталось ни одной невыясненной стороны; науку, которая нас учит понимать памятники вообще, мы называем *герменевтикой*, всестороннее же понимание является задачей *аналитической герменевтики*. Применяя аналитическую герменевтику, мы должны будем гору Ифому объяснять геологически, геоботанически, экономически, стратегически и т. д., фигуру ламии — с этимологической, религиозной, поэтической, нравственной точки зрения, Венеру — с мифологической, эстетической, технической, комедию Аристофана — с грамматической, метрической, поэтической, исторической и т. д. Согласно сказанному выше, герменевтика является динамической наукой, подобно критике: и она сама по себе не имеет материального содержания, а получает таковое, лишь будучи применена к какому-нибудь памятнику, принадлежащему к своду источников классической Ф. Ее собственное содержание образуют правила объяснения. Эти правила по отношению к географическим памятникам выходят из компетенции филолога; по отношению к этнологическим они мало разработаны, так как материальный интерес преобладает здесь над формальным и памятники признаются важными почти исключительно как источники, о чем будет сказано ниже. Действительно разработанной оказывается аналитическая герменевтика по отношению к памятникам третьей и особенно четвертой группы. В этой последней настоящим полем аналитической герменевтики являются так назыв. объяснительные издания авторов. Мы различаем, прежде всего, экзегезу (т. е. объяснение в тесном смысле) и перевод: первая ведет, так сказать, читателя к памятнику, второй — памятник к читателю. И здесь, и там мы различаем затем формальный и реальный элементы и т. д. — Второй род герменевтики, как мы увидим, образует соединительную нить между филологическим и историческим аспектами историко-филологической науки; а так как аналитическая герменевтика завершает собой филологический аспект, то уместно будет

в связи с ней поговорить о специально филологической классификации материала историко-филологической науки. Применительно к сказанному выше, мы получаем следующее деление.

I. География Древнего мира, которую не следует смешивать с географической наукой древних (ошибка, допущенная еще Ф.А. Вольфом; географическая наука древних составляет часть истории наук в древности и как таковая принадлежит к исторической, а не филологической классификации). Под географией следует разуметь исключительно географию физическую, так как только о ней нынешняя физиономия классических стран позволяет суждения; зато она обнимает также и смежные области — геологию, метеорологию, климатологию, зоологию, ботанику.

II. Этнология, т. е. наука о языке (включая народную литературу), религии и нравах нынешних обитателей древнего мира. Поскольку эти науки не имеют самостоятельного интереса (как этнология специально итальянцев или новогреков), они целиком вошли в соответственные отрасли исторической системы, так что в этом пункте филологическая и историческая классификации совпадают.

III. Археология в широком смысле. В состав этой науки входят: 1) наука о памятниках инженерных: дорогах, мостах, водопроводах, цистернах, туннелях, фортификационных работах и т. д. Ни общего свода, ни общего имени нет. 2) Археология в тесном смысле, т. е. наука о памятниках искусства древних. Эти памятники делятся на следующие категории: а) памятники архитектурные, непосредственно соприкасающиеся с инженерными. К ним, кроме зданий в тесном смысле (храмов, театров, амфитеатров, базилик, терм, частных домов), принадлежат также в своей архитектурно-инженерной части гробницы — как подземные, так и открытые, — триумфальные арки и т. п.; б) Памятники скульптурные, распадающиеся на две крупные категории: статуи (включая группы, гермы, бюсты, статуэтки) и рельефы. Среди последних особенно выделяются по численности и важности рельефы саркофагов, т. е. скульптурные украшения стен и крышек объемистых, большей частью мраморных гробов, в которых хоронили покойников. Другие разновидности рельефов — надгробные плиты, метопы и фризы храмов, родственные им стенные украшения и т. д.; в) памятники древней живописи, распадающиеся тоже главным образом на две группы: вазовую роспись и фрески, большей частью помпейского происхождения. В сравнении

с этими двумя группами прочие памятники отступают на задний план; по своему техническому интересу заслуживают, однако, упоминания мозаики. К памятникам живописи примыкает и обширный класс так наз. этрусских зеркал, т. е. резьба на оборотной стороне бронзовых зеркал, главным образом мифологического содержания; г) домашняя утварь и прочие изделия, главным образом из глины и бронзы, реже из золота, серебра, камня, слоновой кости и друг. материалов. Особую важность имеют здесь глиняные, большей частью расписные вазы, сохранившиеся в огромном числе; их изучение составляет содержание особой науки, так назыв. керамики (обнимающей в широком смысле также и прочие изделия из глины). Интересны также резные камни (геммы и камеи). 3) Нумизматика, т. е. наука о монетах и родственных им памятниках. 4) Эпиграфика, т. е. наука о надписях, большей частью на мраморе, как общественного, так и частного характера (из последних особенно выдаются надгробия, составляющие самый многочисленный класс эпиграфических памятников). 5) Папирология, особенно расцветшая за последнее время благодаря находкам в Египте; это — наука о сохранившихся от самой древности записях на папирусе. Папирология стоит на меже между археологией и библиологией: из ее обоих классов один — папирусы документальные — соприкасается с эпиграфическими памятниками, обладая их отличительной чертой — оригинальностью, между тем как второй класс — папирусы литературные — только своей сравнительной древностью отличается от рукописей библиологического разряда. К папирусам примыкают и родственные им записи на свинце, воске, дереве и особенно на глиняных черепках (*ostraka*), служивших очень распространенным материалом для всякого рода расписок; сюда же, собственно, следовало бы отнести и стенные записи немонументального характера (*dipinti* и *graffiti*), найденные в большом числе особенно в Помпеях и относимые обыкновенно к эпиграфическим памятникам.

IV. Библиология. Огромная масса списков памятников античной литературы, за сравнительно немногими исключениями, была составлена в средневековую эпоху; науку об этих списках, учащую в них разбираться, мы называем *палеографией*; это — преддверие библиологической критики. Палеограф имеет дело исключительно с данной рукописью; результатом его работы является ее прочтение, сличение или копия с нее. Ког-

да эта работа сделана, вступает в свои права *критика*. Критик имеет дело обыкновенно с целым рядом рукописей; его задача – определить их взаимную зависимость, выделить наиболее достоверные между ними и на их основании (дипломатическая критика), а также и на основании догадок других ученых и своих собственных (конъектуральная критика) восстановить по мере возможности первоначальный текст. Результатом работы критика будет так наз. критическое издание автора, т. е. его очищенный текст, снабженный так наз. критическим аппаратом, т. е. примечаниями о разночтениях рукописей (*variae lectiones*) и догадках новейших ученых (*adnotatio critica*), а также, по желанию, и об образцах и подражателях издаваемого автора. По окончании работы критика вступает в свои права *герменевтика* – разумеется, *аналитическая*, дающая в результате комментированное (или объяснительное) издание автора. Такова обязанность Ф. по отношению к сохранившимся в особых списках авторам: сохранилось же сравнительно очень небольшое число памятников древней литературы. Но и об остальных нельзя сказать, чтобы они совсем пропали для науки: сохранились *отрывки*, либо в клочках папирусов, либо в древних хрестоматиях, либо в цитатах позднейших авторов. Если поэтому задача критика по отношению к сохранившимся авторам состоит в критическом издании, то по отношению к несохранившимся она состоит в *собрании их отрывков*: это – особая ветвь библиологической критики, имеющая свои особые методологические приемы. — Такова, в беглом обзоре, филологическая классификация историко-филологической науки. Прежде чем перейти к исторической, мы должны упомянуть о той динамической науке, которая составляет мост между Ф. и историей. Эта наука – *синтетическая герменевтика*. От аналитической она отличается: 1) своей односторонностью – в данном памятнике она видит исключительно источник интересующей ее науки и только с этой точки зрения его интерпретирует; 2) своей широтой – она не ограничивается одним памятником, а обнимает все, в которых может рассчитывать найти материалы для этой науки. Если аналитическую герменевтику можно уподобить исходящим от памятника и направляющимся в различные стороны лучам, то синтетическая уподобляется лучам, исходящим от памятника в одном направлении, а именно в направлении к искомой науке, где они соединяются с другими лучами, исходящими в том же направлении от других

памятников. Естественный порядок, разумеется, тот, чтобы аналитическая герменевтика предшествовала синтетической: прежде всего памятник должен быть объяснен как таковой, и уже после того мы можем думать о том, чтобы, комбинируя его с однородными памятниками, создать на основании этой комбинации одну из дисциплин, составляющих науку о классической древности. Таким образом мы с помощью герменевтики поднимаемся еще этажом выше: от *свода источников* классической древности к самой *системе наук* о классической древности. Эти науки, вместе взятые, составляют историю древнего мира в широком смысле слова; их классификация поэтому – классификация историческая, почти совсем не совпадающая с филологической. Мы ограничимся здесь кратким наброском этой классификации, отсылая в прочем к статье История. Так как исторические науки, как науки о духе, примыкают к психологии, то и для их классификации разумнее всего будет взять в основу деление психологии на народную и индивидуальную. Исходя из него, мы получим деление науки о древнем мире на две крупные категории.

I. История народного творчества древнего мира. Так как объектов народного творчества три – язык, религия, обычай, – то и его история распадается на три части. 1) История языка в его четырех составных частях: фонетической, морфологической, лексикологической и синтаксической. А так как оба так наз. древних языка (латинский и греческий) суть только сильные побеги, одержавшие в борьбе за существование победу над более слабыми (так наз. говорами или диалектами), то в состав истории древних языков входит также и диалектология. 2) История религии в ее трех составных частях – догматической, мифологической и ритуальной. 3) История обычаев и нравов, очень богатая, так как она касается всех продуктов народного творчества в области быта, от скромного глиняного горшка до гражданской общины. Мы различаем здесь: а) историю материальной культуры и в связи с ней экономическую историю; б) историю нравственной культуры и в связи с ней с одной стороны историю народной нравственности, с другой – историю права; в) политическую историю (т. е. историю государств), как внутреннюю, так и внешнюю.

II. История индивидуального творчества древнего мира. 1) В области наук. Так как главной и центральной наукой в древности была философия, то здесь на первом плане стоит история философии, на втором — ис-

тория всех прочих наук. 2) В области искусства. Тут мы различаем: а) историю литературы — поэзии и прозы; б) историю архитектуры, ваяния и живописи; в) историю музыки, мимики и орхестики, о которых, однако, за недостатком материалов, сказать можно не особенно много.

Литература. Первые попытки создать систему классической Ф. сделали Fr. A. Wolf («Darstellung der Altertumswissenschaft», 1807) и Ast («Gundriss der Philologie»); сочинения их совершенно схематичны. Гораздо выше стоит А. Böckh («Encyclopädie und Methodologie d. philologischen Wissenschaften», 2 изд. 1886), но ему повредило стремление отделить Ф. как «познание познанного» от истории. Сознание их материального совпадения мы находим у Вундта («Logik», т. 2-й, ч. 2-я, стр. 303–436, 2 изд. 1896), но перестроить все здание Ф. на этом новом основании он, не будучи специалистом, не мог; он опирается главным образом на Бёка. Краткое руководство Урлихса («Grundlegung u. Geschichte d. Klass. Altertumswissenschaft») дает чисто внешнее и произвольное деление Ф. на чистую, историческую и философско-эстетическую. Настоящая

статья, составляющая извлечение из университетского курса автора о филологической энциклопедии, является (насколько автору известно) первой попыткой построить систему Ф. (точнее — историко-филологической науки) на заимствованной у Вундта основной мысли, которую мы выше формулировали так: Ф. представляет из себя обращенную к памятникам сторону историко-филологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зелинский Ф. Ф. Филология // Энциклопедический словарь. Т. XXXV^a (70) / Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1902. — С. 811–816.

O. Nikitin

PHILOLOGY: WHAT IS IT?

Abstract. The article discusses retrospective image of evolution and borders of the term “Philology” as it was presented in Russian academic school of XIX–XX centuries. The article by F. F. Zelinsky “Philology” is republished.

Key words: philology, history, the humanities, antic culture, personal activities, hermeneutics, classification of historic-philological sciences.

УДК 81'367:82-3

Папуша И.С.

ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА *

Аннотация. В статье рассматриваются такие особенности сложных синтаксических целых художественных текстов, как поле языкового напряжения и формирующие его гермы, через систему которых выражается интенция и целеустановка автора, микроидея и скрытые смыслы данной грамматической единицы.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, поле языкового напряжения, герм.

Сложное синтаксическое целое (ССЦ) — один из компонентов текста: специальным образом организованная, закрытая группа предложений, представляющая грамматическую единицу, которая наряду с предложением реализует собой единое высказыва-

ние (И.А. Фигуровский, Н.С. Поспелов, Л.А. Булаховский, В.А. Звегинцев, Р. Якобсон и др.). Реализуясь в тексте, сложное синтаксическое целое осуществляет многосторонность внутренних связей, диктующих обязательный порядок и форму своих компонентов, и продуцируется по грамматической модели, обеспечивающей взаимообусловленность плана содержания и плана выражения.

Анализ сложных синтаксических целых, функционирующих в художественных текстах, позволяет выявить на уровне больше предложения не только характеристику сложного синтаксического целого и его компонентов, но и принципы организации языковых единиц в рамках ССЦ, учитывая тот факт, что в лингвистическом плане художественные тексты характеризует свобода авторского самовыражения, широкое ис-

* © Папуша И.С.